

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ОБРАЗ ФРАНЦИИ В «ПИСЬМАХ ИЗ ФРАНЦИИ» Д.И. ФОНВИЗИНА

Автор статьи анализирует образ Франции в письмах Д.И. Фонвизина, адресованных им родным и другу П.И. Панину из Франции в 1777–1778 гг. Формально адресованные близким людям, письма на самом деле предназначались к прочтению (хотя бы частичному) широким кругом читателей. В них Фонвизин описывает государственное устройство Франции, касается быта и нравов французов, рассуждает об их национальном характере. Фонвизин отмечает как то, что заслуживает восхищения, так и то, что достойно порицания, при этом второго оказывается больше. Фонвизин констатирует, что представления русских о Франции как колыбели основанного на разуме Просвещения и всеобщего благоденствия являются в определенной мере мифологизированными. Автор статьи приходит к выводу, что писатель, принимая идеи Просвещения, все же оставался верен традиционным российским ценностям.

Д.И. Фонвизин, «Письма из Франции», образ Франции, травелог, имагология.

Денис Иванович Фонвизин принадлежит к числу наиболее ярких литераторов XVIII в. Широкому читателю он известен, прежде всего, как автор комедий «Недоросль» и «Бригадир», сатирических стихов, в т.ч. и антиклерикального плана («Послание к слугам моим», басня «Лисица-Кознодей», подробнее об этом см. [2]), но большую часть наследия писателя составляет проза, к которой можно причислить и письма, которые он посылал в Россию из заграничных путешествий.

«Письма из Франции» датированы временным промежутком с сентября 1777 по сентябрь 1778 и являются своеобразным «дневником» путешественника, травелогом, наполненным его впечатлениями от заграничных, что делает их интересным объектом имагологического исследования. Формальной причиной поездки была потребность жены писателя в лечении, но не менее важной для него была возможность своими глазами увидеть и оценить «столицу мира», законодательницу мод, родину Просвещения – Францию.

«Письма из Франции» направлялись трем адресатам: «к родным» (фактически – к сестре писателя Феодосье Ивановне) – 6 писем, к П.И. Панину (генералу, брату воспитателя наследника Павла Петровича Н.И. Панина) – 7 писем и к Я.И. Булгакову (мы пренебрежем письмами к последнему адресату ввиду их незначительного объема и отсутствия в них описания Франции). Письма названным адресатам не одинаковы по содержанию. Так, в письмах сестре Фонвизин описывает главным образом бытовую сторону жизни французов, а в письмах Панину касается государственных вопросов: рассуждает о политической системе, коррупции, обществе, сословиях, промышленном производстве, нравах французов. В научной литературе доминирует мнение, что, по замыслу Фонвизина, эти письма не должны были ограничиться прочтением их лицами, кому они посылались, но должны были стать достоянием более широкого,

нежели семейный и дружеский, круга. По словам Г.П. Макогоненко, письма Фонвизина *носили не частный, а литературный характер, их автор рассчитывал, что с ними будет знакомиться не один Петр Панин* [3, с. 14]. М.В. Иванов пишет в примечаниях к «Письмам»: *Приватный характер писем выражен значительно слабее, чем публицистический* [1, с. 305]. По мнению В.П. Степанова, *они писались с расчетом на рукописное распространение хотя бы некоторых из них, дававших обобщенную характеристику французской культуры и быта* [5, с. 220]. Соглашаясь с вышеприведенными мнениями, мы исходим из того, что в своих письмах Фонвизин преследовал цель придать своему повествованию о Франции широкий политический, социальный, культурологический контекст.

Переходя к анализу образа Франции в письмах Фонвизина, необходимо отметить роль этой страны в жизни Европы второй половины XVIII в. В этот период Франция, ее культура, занимая доминирующее положение в Европе, были образцом подражания для множества стран, и особенно России. Французские книги, идеи французских философов-просветителей были властителями дум образованных людей России [4, с. 53]. Потому неудивительно, что именно Франция, ее настоящая, внутренняя жизнь стала предметом исследования русского писателя.

Во Франции Фонвизин подмечает как положительное, так и отрицательное. Остановимся сначала на первом. Лестными характеристиками наделяет он ряд французских городов – Лион, Марсель, Монпелье и Париж. В Лионе он восхищается линией прекрасных каменных домов вдоль берега Роны, *превысокими горами, в которых затеряны великолепные монастыри, усаженное деревьями гульбище, тем, что церкви и монастыри украшены картинами величайших мастеров* [6, с. 419]. Марсель Фонвизин называет городом, в котором *можно жить с превеликим удовольствием*

[6, с. 438]. В Монпелье, отмечает Фонвизин, университет основан еще в 1180 году, местоположение города прекрасно: он стоит на высоком месте, имеет королевский сад, «акедюк» (акведук), гульбище (Там же, с. 421). Столицу писатель называет *сокращением целого мира*, настолько она велика и населена, настолько много в ней чужестранцев со всего света (Там же, с. 472).

Высокой похвалы Фонвизина удостаиваются климат Франции (*в рассуждении климата здесь действительно рай* (Там же, с. 420)), дороги (дороги *це-гольские, мостовая, как скатерть* (Там же, с. 418)), французская кухня (*поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно* (Там же, с. 431)). Французские фабрики, выпускающие шелковые изделия, парчи и штофы, Фонвизин называет лучшими в мире (Там же, с. 456). Он приписывает французам *изобретательный ум в художествах и ремеслах, до вкуса касающихся* (Там же, с. 490), и вслед за этим признает за Францией статус модной столицы мира, сознается, что ходил к модисткам и смотрел на наряды как на прекрасные картины. Вместе с тем, признавая переменчивость моды, он пишет, что мужья уже не в состоянии давать женам достаточно денег на смену уборов, и те научились промышлять деньги, не беспокоя мужей.

В чести у русского писателя французский театр, особенно комедия. Почти столь же хороша опера, а трагедию, напротив, он нашел *посредственною*, но именно комедия *возведена здесь на возможную степень совершенства* (Там же, с. 477). Фонвизин находит ее идеальным подражанием реальности, рождающим ощущение истинности показываемой истории. Комедию он называет лучшим, что он видел в Париже. Спектакли и «непотребные девки», по Фонвизину, – это два развлечения, привлекающие в столицу Франции толпы чужестранцев (Там же, с. 445–446).

Перейдем к негативным сторонам жизни Франции, подмеченным Фонвизиным. Первое, что бросается в глаза читателю с первых страниц повествования и повторяется множество раз, – это грязь французских городов. В Ландо русских путешественников поразила *мерзкая вонь*: местные жители выливают из окон помой на улицу, так что тот, кто *не хочет задохнуться, окна не открывает* (Там же, с. 418); жители города Бресс *также по уши в нечистоте* (Там же); въезжая в Лион, *надлежит зажать нос* (Там же, с. 420), а Париж *немножко почище свиного хлева* (Там же, с. 450). Сам тот факт, что французы производят огромное количество благоуханных вод, Фонвизин приписывает тому обстоятельству, что без них бы, по его мнению, *все задохлись* (Там же). *Во Франции города находятся в рассуждении чистоты в прежалком состоянии*, – заключает писатель (Там же, с. 456). Иронизируя над французами, он пишет, что на скотном дворе хорошего русского помещика *чистоты гораздо больше, нежели перед самыми дворцами французских королей* (Там же, с. 489). Неприятно удивлен Фонвизин узостью улиц Страсбурга, Монпелье, Лиона (Там же, с. 418, 420, 421), недостатком в них солнечного света, свежего воздуха.

Предметом насмешки становится французская экономность в быту. Бывая на приемах, Фонвизин

подмечает, что блюда не обносятся вокруг стола, как принято в России, а стоят на столе на одном месте, и гость должен просить своего слугу (а при его отсутствии – самостоятельно) пройти вдоль стола и положить себе в тарелку то, чего желает. Так же с вином – его не ставят на стол из экономии: так мог бы выйти расход бутылка на гостя, а если не ставить – бутылки хватает на пять персон. Дрова дорогí, и французы отапливаются в основном хворостом; когда же гостей не бывает, даже знатная маркиза Fraigeville обедает на поварне напрогив очага, чтобы не разводить огонь в столовой [6, с. 431–432]. Тот факт, что в занимаемых русским гостем комнатах огонь в камине не переводится, позволил французам сделать вывод о его *громдном состоянии*. Не менее поразили их его соболий сюртук и горностаевая муфта, а также перстень с бриллиантами (притом, по замечанию Фонвизина, перстень этот был таков, *которого лучше бывают часто у нашей гвардии унтер-офицеров* (Там же, с. 432)). Столовые салфетки у французов из столь толстой материи, штопаны синими нитками и так плохо вымыты, что ими *гадко рот утереть* (Там же, с. 429, 434); контраст вкусной пищи и плохого столового белья бросается Фонвизину в глаза. Французы поясняют это тем, что салфетки ведь не едят. Русский гость недоумевает: рубашки тоже никто не ест, однако они у французов из тонкого, с кружевом, полотна. Удовлетворяя любопытство гостя, те показывают ему свои рубашки: оказывается, прекрасные кружева пришиты к дерюге. Объяснение французов простое: *этого не видно снаружи* (Там же, с. 429–430).

По наблюдениям Фонвизина, множество французских дворян пребывает в крайней бедности и почло бы за великое счастье определиться гувернерами в богатые русские семьи. С подобными просьбами к Фонвизину не раз обращались, но он, ссылаясь на якобы невежество большей части французского дворянства, предпочитал оставаться в стороне, считая эту практику порочной (Там же, с. 484). Недаром в «Бригадире» Фонвизин жестоко высмеивал галломанию, поразившую многих русских дворян, а главный герой комедии – недалекий сын бригадира Иванушка – хвастается тем, что он воспитанник французского кучера (действие 5, явление 2).

Сравнивая французских (имеющих личную свободу) и русских (скованных крепостничеством) крестьян, Фонвизин все же видит мало разницы между ними. По его мнению, главное право каждого француза – вольность – нивелируется закабляющей его бедностью, так что «вольность» оборачивается на деле рабством, ибо чтобы выжить, он вынужден снискивать себе пропитание *рабскою работою* (Там же, с. 460). Говоря с французами, Фонвизин «раскрывает» им глаза на истинную суть их положения, и те вынуждены согласиться (Там же, с. 463). Более того, состояние русских крестьян Фонвизин находит *несравненно счастливейшим* (Там же, с. 466) ввиду того, что французы платят в казну огромные подати, отчего их собственное благосостояние – лишь фикция. На дорогах карета путешественника то и дело окружена нищими, которые просят не только денег, но хлеба. «И посреди изобилия можно умереть с голоду», – делает вывод Фонвизин (Там же).

Не раз касается Фонвизин темы налогов. С иронией описывает он церемонию, на которой *долг верно-подданных платить исправно подати* [6, с. 458] слезно представляется чиновниками и духовенством как священный долг граждан. Церемония заканчивается благодарственным молебном Богу за сохранение в гражданах *единодушия к добровольному платежу того, что в противном случае взяли б с них насильно* (Там же). Французские налоги Фонвизин называет *безрезонными, частыми, тяжкими и служащими к одному обогащению ненасытимых начальников* (Там же, с. 486). Французский крестьянин поставлен перед выбором: либо платить, либо быть брошенным в тюрьму.

Критикуя общественное устройство Франции, Фонвизин называет его пороками разные злоупотребления: продажу чинов и должностей, несправедливое правосудие, судебную волокиту, деспотизм чиновников, неоправданно высокие налоги, высокий уровень преступности, жесткость наказаний (*почти всякий день вешают и колесуют*) (Там же, с. 439)). Автор обвиняет французов в развращении нравов до такой степени, что *подлый поступок не наказывается уже и презрением*, винит их в подлейших обманах даже тогда, когда *дело идет о малейшей корысти*, в том, что деньги стали *«первым божеством»* Франции (Там же, с. 462). Одним из проявлений косности французского общества Фонвизин считает *непотребных девок* – любовниц богатых господ и заезжих иностранцев. Осыпанные бриллиантами, они купаются в роскоши, и знатнейшие люди срамят себя публично, сидя с ними в театральных ложах (Там же, с. 446).

Фонвизин не обходит стороной и тему французского национального характера. Французы видятся ему щеголями, мастерски сплетающими слова, но мало мыслящими (Там же, с. 463). Каждый француз почитает себя разумным, но под разумом понимается им острота, а не здравый смысл (Там же, с. 472–473). Французы судят обо всем решительно, но весьма поверхностно (Там же, с. 473), забавы обожают столько же, сколько ненавидят труд (Там же, с. 475). Хотя непостоянны и ветрены, они все же обладают сердечной добротой, и редкий из них злопамятен (Там же, с. 480). Француз *всегда молод, а из молодости переваливается вдруг в дряхлую старость*, то есть в зрелом возрасте никогда не пребывает (Там же, с. 482–483). Французы легковерны и безрассудны (Там же, с. 433) и считают комплиментом сказать иностранцу, что он вовсе не похож на иностранца, но похож на француза, так как почитают себя за первую в свете нацию (Там же). Фонвизин признает патриотизм французов, их любовь к отечеству и государю (Там же, с. 443).

Наблюдая за жизнью во Франции, Фонвизин подмечает много такого, чего нет в России, что удивляет и зачастую смешит его. Он не стесняется давать этим явлениям ироническую оценку. Наблюдая военные маневры французов, русские *не могли от смеха удержаться* (Там же, с. 487). В Страсбурге супруги присутствуют на заупокойной службе в день поминовения усопших 1 ноября. Внешний вид духовенства (*архиерей в большом парике, попы напудрены*) Фонвизин называет *комедией*, церемония *так смешна, что*

треснуть надобно, он с женою от смеха насилу удержался, и оба вышли из церкви [6, с. 418]. Такой же несуразной кажется им церковная служба в Монпелье: *Я покотился со смеху, увидя эту комедию* (Там же, с. 425).

Подводя итоги путешествия, Фонвизин констатирует, что представление о Франции как о земном рае есть сущая ложь. Признавая наличие хорошего и доброго, он тут же добавляет, что дурного никак не меньше, а может быть, и больше; на каждом шагу, сталкиваясь с чем-то достойным восхищения, он отмечал и то, что достойно было порицания (Там же, с. 420, 423, 439, 441, 467, 480). *Я увидел, – пишет Фонвизин, – что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго, что люди везде люди, что умные люди везде редки, что дураков везде изобильно и, словом, что наша нация не хуже ни которой и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях* (Там же, с. 449).

Этот итог Фонвизин намеревался донести своим соотечественникам, и не только родным и друзьям, но более широкому кругу русских людей, в ком жило ошибочное убеждение в том, что Франция основана на «законах разума», нацелена на всеобщее благополучие и процветание. Писатель стремился разубедить их в этом, показывая, что эта страна мало чем отличается от России, имея, наравне с достоинствами, и массу недостатков.

Фонвизин, автор *Рассуждения о непременных государственных законах и Нескольких вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание*, а также соавтор написанного совместно с Н.И. Паниным *Рассуждения о непременных государственных законах*, был неясным оппозиционером Екатерины II, считал ее деспотом, чья власть должна быть ограничена. Ее переписку с Дидро и Вольтером он считал лицемерным заигрыванием с французским Просвещением, следовать идеалам которого она не была готова и не собиралась.

Однако, по нашему мнению, и сам Фонвизин, усвоив идеи Просвещения в теории, на практике оставался человеком архаичного общества, ориентированного на традиционные российские ценности. Столкнувшись же с французским социумом, стоящим на пороге буржуазной революции, он оказался не готов принять его новшества, так как был укоренен в российской действительности.

Литература

1. Иванов, М. В. Примечания / М. В. Иванов // Д. И. Фонвизин. Сочинения. – Москва : Правда, 1981. – С. 296–318.
2. Лиль-Бэзак, А. В. Русская антиклерикальная сатира XVII–XVIII веков: специфика исторического генезиса и социально-нравственной проблематики / А. В. Лиль-Бэзак, Е. В. Никольский // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. – 2017. – № 3. – С. 352–369.
3. Макогоненко, Г. П. «Друг свободы...» / Г. П. Макогоненко // Д. И. Фонвизин. Сочинения. – Москва : Правда, 1981. – С. 3–28.
4. Моряков, В. И. Д. И. Фонвизин о Франции последней трети XVIII в. / В. И. Моряков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2011. – № 3. – С. 52–68.

5. Степанов, В. П. Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» / В. П. Степанов // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 204–229.

6. Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений : в 2 томах / Д. И. Фонвизин. – Москва, Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. (В статье все ссылки на письма Фонвизина даются на том 2 данного собрания сочинений с указанием страницы.)

E.V. Papilova

THE IMAGE OF FRANCE IN DENIS FONVIZIN'S "LETTERS FROM FRANCE"

The author of the article investigates the image of France in Denis Fonvizin's letters, written to his relatives and his friend Pyotr Panin from France in 1777–1778. Formally addressed to his close people, the letters were in fact meant to be read (fully or partially) by a wide readership. In the letters Fonvizin described the government structure of France, touched upon the everyday life, manners and national character of the French. Fonvizin considered both things that deserved admiration and those that were worth blaming, the latter being more often. Fonvizin stated that the Russian people's perception of France as a cradle of reason-based Enlightenment and general prosperity was to a certain extent mythologized. E. Papilova concludes that Fonvizin though accepted the ideas of Enlightenment still adhered to traditional Russian values.

Denis Fonvizin, "Letters from France", the image of France, travelogue, imagology.